
ПРОБЛЕМА ВЫДЕЛЕНИЯ МЕТАТЕКСТА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Н.В. Лукина

Кафедра современного русского языка
Астраханский государственный университет
ул. Татищева, 20а, Астрахань, Россия, 414056

Статья посвящена одной из дискуссионных проблем современного языкознания. Обосновывается необходимость выделения метатекста в художественном тексте, очерчивается круг языковых единиц, являющихся репрезентантами метатекста в художественном тексте, приводятся примеры метасредств.

Ключевые слова: художественный текст, метатекст, метасредства, комментатор текста, текстовые категории.

В последнее время термин «метатекст» употребляется в различных сферах интеллектуальной деятельности человека: в литературоведении, герменевтике, теории перевода, лингвистике и т.д. В литературоведении, например, метатекст понимается и как информационно-культурная сфера, окружающая писателя, реализуемая писателем через композицию, художественные приемы и влияющая на восприятие всего текста и отдельных его частей, и как некая совокупность текстов, созданных одним писателем или группой авторов, и как множество текстов, относящихся к одному литературному направлению. Кроме того, этот термин стал очень популярен в журналистской практике, где он может означать сгусток культурной среды, позицию редакции, четко выраженный стиль, или нечто целое, соединение несоединимого, или суть главной идеи жизни. Но есть и общее во всех этих употреблениях — значение основы, «стержня», каркаса. В языкознании термин «метатекст» имеет не старую (чуть больше тридцати лет), но насыщенную историю.

Изучение метатекста и выявление его структурных образований началось после того, как на это явление обратила внимание А. Вежбицкая. Именно ею был впервые употреблен термин «метатекст» в собственно лингвистическом его понимании. Интересна, на наш взгляд, мысль о том, что «комментатором текста может быть и сам автор (выделено нами — Н.Л.). Высказывание о предмете может быть переплетено нитями высказываний о самом высказывании» [3. С. 404]. Тем самым развиваются идеи М.М. Бахтина о «скрытом двухголосье» любого текста, в том числе монологического, когда автор вступает в своеобразный диалог с собственным высказыванием [1. С. 315].

А. Вежбицкая подчеркивает, что метаголос автора, вводимый с помощью определенных языковых средств, формирует и «метатекстовые нити», которые могут выполнять самые различные функции: они проясняют «семантический узор» основного текста, соединяют различные его «элементы, усиливают, скрепляют...» [3. С. 421], служат для переключения внимания получателя на наиболее существ-

венные, с точки зрения автора, фрагменты текста. Совокупность таких «метатекстовых нитей» и образует метатекст в тексте. Понять говорящего — «не только «перевести для себя» отдельные предложения, но и уловить связи между этими предложениями, вскрыть мысленную конструкцию целого» [3. С. 403]. Таким образом, метатекст — это проявление говорящего субъекта, располагающего целой серией средств для комментария своего авторского поведения.

Подробное рассмотрение данной точки зрения обусловлено тем, что после появления ставшей уже хрестоматийной статьи А. Вежбицкой началось изучение метатекста на различном материале, различными приемами и методами. То, что автором статьи не было дано четкого определения понятия «метатекст», дало возможность лингвистам по-разному интерпретировать данный термин, а это, в свою очередь, привело к широкому и узкому пониманию метатекста.

При широком понимании метатексты выступают в роли организаторов композиции текста, способа аргументации позиции говорящего, выполняют дискурсивные, модальные функции. В сферу метасредств включаются все языковые единицы, связанные с корректировкой и интерпретацией речевого поступка, с отражением стратегии автора при построении высказывания (см. работы Н.К. Рябцевой, 1994; В.А. Шаймиева, 1999; Ю.М. Бокаревой, 1999; Н.П. Перфильевой, 2006 и др.). При «узком» понимании к метатекстам необходимо отнести лишь словесную экспликацию мотивировки выбора слова говорящим и развернутое в высказывании суждение о языке (см. работы М.В. Ляпон, 1986; А.Н. Ростова, 2000; И.Т. Вепрева, 2002 и др.).

Все сказанное выше является убедительным доказательством того, что лингвисты, изучающие метатекст, вынуждены каждый раз заново давать определение этому понятию, что связано с отсутствием единого понимания этого термина и индивидуальными установками исследователей, каждый из которых представляет свою точку зрения в соответствии с целями и задачами своей работы.

Метатекст определяют как «референцию к способу вербализации, языковому оформлению высказывания» [11. С. 6]; «высказывание о высказывании, при помощи которого говорящий осуществляет самоконтроль над формой высказывания», при этом в объем понятия включаются «целостные речевые произведения, например, предисловие, письма и т.п.» [2. С. 18]; «такую часть текста, которая обладает свойствами связности и цельности (то есть в пределе — вполне самостоятельный, семантически автономный текст), референтом которой является обрамляющий текст» [6. С. 63].

Мы, в свою очередь, будем придерживаться широкого понимания термина «метатекст» и определим его как совокупность метасредств, обозначающих присутствие говорящего/пишущего в тексте (к ним мы относим метамаркеры, метатекстовые компоненты, метатекстовые высказывания и метатекстовые фрагменты) и организующих особый уровень текста, который несет определенную функциональную и смысловую нагрузку, определяемую авторским замыслом.

Например, в рассказе Татьяны Толстой «Петерс» (это повествование о том, как маленький мальчик под чутким руководством интеллигентной бабушки ста-

новится взрослым человеком, как одна за другой разбиваются его мечты о воле, любви, счастливой жизни) есть, на первый взгляд, незначительный эпизод:

«Скажите, — строго спрашивала женщина, — *цыплята* что — охлажденные? Вон того дайте. — И „*вон тот*“ ложился в затхлую сумку, и спящий Петерс нес домой холодного *куриного юношу, не познавшего ни любовь, ни воли, ни зеленой муравы, ни веселого круглого глаза подруги*. И дома, под внимательным взглядом твердой женщины, Петерс должен был сам ножом и топором вспороть грудь *охлажденного* и вырвать ускользящее бурое сердце, алые розы легких и голубой дыхательный стебель, чтобы стерлась в веках память о том, *кто родился и надеялся, шевелил молодыми крыльями и мечтал о зеленом королевском хвосте, о жемчужном зерне, о разливе золотой зари над просыпающимся миром*» (Толстая, 2006. С. 273).

Данный отрывок, который является метатекстовым фрагментом в тексте, играет очень важную роль в формировании смысла всего произведения: в этом небольшом по объему фрагменте выстраивается своеобразный синонимический ряд, начинающийся лексической номинацией денотата («цыплята») и включающий несколько окказионально-контекстуальных обозначений: «вон тот», «куриный юноша», «охлажденный». Завершается этот ряд придаточной частью сложноподчиненного предложения, насыщенной яркими авторскими красками. Вычленение в ткани произведения этого окказионального синонимического ряда позволяет выявить в тексте художественного произведения авторский комментарий судьбы Петерса в очень нестандартной, субъективной форме. Сравнение Петерса и «куриного юноши» формируется за счет нелинейных смысловых связей в тексте, что, в свою очередь, объясняется особенностью авторских ассоциаций, реализуемых в тексте. И тот и другой «надеялись» на любовь, «мечтали» о ней, но не «познали» ее, ни о том, ни о другом не останется памяти. Данный метафрагмент выполняет смыслопорождающую функцию, поскольку заставляет читателя задуматься о смысле человеческой жизни.

Таким образом, метатекст, используемый в художественном тексте, может оказаться довольно информативным и важным для постижения смысла художественного текста. Следовательно, анализ последнего должен предполагать, помимо всестороннего рассмотрения его (текста) лексических и грамматических особенностей, и выделение метатекста, поскольку без этой операции анализ текста не может быть полным.

Метатекст характерен для постмодернистского художественного творчества, хотя и в текстах таких авторов, как А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Н.В. Гоголь, М. Булгаков, можно выделить метатекст, образующий особый уровень текста, собственно метатекстовый. В эпоху постмодернизма перенос художественного внимания на творческий процесс становится все более акцентированным, и внимание к собственному речевому поведению иногда настолько преобразует некоторые художественные тексты, что становится сложно последовательно разграничить текст и метатекст.

Выделение метатекста в художественном тексте представляется необходимым еще и потому, что метатекст в тексте имеет свою собственную смысловую нагрузку, и это не зависит от объема этой конструкции. Он является выразителем

таких понятий, как речевое поведение, языковое сознание, самосознание, самооценка, само моделирование и др. Метатекст является особым уровнем текста, создаваемым автором с определенной целью, своеобразным «дополнительным» текстом, который хотя и тесно связан с первым, но по сравнению с ним имеет совершенно иную природу.

В большинстве случаев невозможно констатировать представленность в метатексте универсальных текстовых категорий: целостности, связности, смысловой завершенности, относительной оформленности. Исследования в этой области позволяют говорить о дискурсивной природе метаязыковой деятельности. Она может быть представлена как в стереотипных, так и индивидуально-авторских формах: в виде авторского попутного замечания, словесной реплики, ремарки, комментирующих основной текст, что соответствует сущностным чертам дискурса и акцентированию точки зрения адресанта, его предпочтений, оценки, эмоций по отношению к действительности и адресату.

Отнесенный не только к предмету высказывания, но и к способу языкового оформления последнего, метатекст позволяет производителю художественного текста комментировать отдельные слова и выражения, располагать в определенном порядке отрезки высказывания, соединять и разъединять их в соответствии со своим замыслом. На наш взгляд, текст, лишенный метатекста, теряет часть смысла, заложенного в него автором. Следующий пример, представляющий собой метафрагмент, содержащий ответ без открыто выраженного вопроса, показывает стремление автора предвосхитить возможное недоумение читателя, вызванное неправильным словоупотреблением:

«Этот Коробейников, он приходил на дачу из соседнего санатория. Его там оперировали по поводу язвы. Так врачи всегда говорят: по поводу язвы. Ведь просто так, за здорово живешь, человека не разрежешь, хотя, я знаю, многим интересно, чтобы их разрезали и посмотрели на всякий случай: что у них внутри. Но так же нельзя, без повода. Поэтому режут по поводу: скажем, по поводу язвы, а уж там как бог пошлет, умирать гражданин будет совсем по другому поводу, и врачи тут совершенно ни при чем» (Толстая, 2006. С. 179).

Читатель, который не усмотрел бы здесь нарушения норм сочетаемости, благодаря метатекстовому развернутому толкованию, поневоле задумается, что ведет к возникновению диалога «автор — читатель».

Метатекст в тексте часто является референцией к способу вербализации, языковому оформлению высказывания, и не просто служит для передачи определенного содержания, но имеет свой собственный смысл, что особенно значимо в отношении художественного текста. Таким образом, форма в художественном произведении имеет не прикладной характер, а несет собственную смысловую и эстетическую нагрузку.

Выбор словесного оформления определяется не содержанием конкретного выражения, а общим художественным замыслом. Очевидно, что тот или иной вид языкового оформления не может быть произвольно заменен другим без потери его информативного потенциала. По мысли Г.В. Степанова, конкретный

художественный текст передает смысл, который «не может быть выражен синонимичными высказываниями. Художественный смысл не может быть «семантически представлен», независимо от данного языкового оформления... Изменение языкового оформления влечет за собой либо разрушение конкретного художественного смысла, либо создание нового» [8. С. 144].

Метатекст в тексте является не просто особым видом языкового оформления, но, составляя второй план высказывания, он подчеркивает, выделяет его первый план. Метасредства, сопровождающие высказывание, расставляют в нем новые акценты, привлекают внимание читателя к тем его сторонам, которые при ином употреблении остались бы скрытыми. Иными словами, метасредство, являясь особой формой выражения, способно в определенной степени влиять и на содержание той части высказывания, к которой оно относится. Следовательно, здесь имеет место явление, которое, по мнению Т.Г. Винокур, наиболее характерно для стилистического узуса, а именно «усиление плана содержания путем обновления плана выражения» [4. С. 87], например:

«Говорят, надумал он из дерева кривую палицу резать да в дугу ее гнуть, а называть ее велено будет коромыслом» [10. С. 23]; *«Брови — дугой, али, как теперь велено будет звать, коромыслом»* [10. С. 24]; *«Это внутрях чего-то уклоняется, а может, как Никита Иваныч говорит, это ФЕЛОСОФИЯ»* [10. С. 55]; *«Бенедикт перебелил Указ четырежды, отдал Оленьке бересту, чтобы буквицы покрасивее изукрасила — плетеными ленточками, птичками и цветочками, потому как дело сурьезное, или, как выразил Шакал, судьбоносное, — и сам просветлел и порадовался»* [10. С. 79]; *«Теща, конечно, больше всех себе накладывает, али, как Кудеяр Кудеярыч высказал, лидирует»* [10. С. 169]. *«Конечно, книжицы разные случаются. Федор Кузьмич, слава ему, трудится бесперебойно. То вот сказки, то стихи, то роман, то детектив, или рассказ, или новелла, или эссе какой, а о прошлом годе изволил Федор Кузьмич, слава ему, сочинить шопенгауэр, а это вроде рассказа, только ни хрена не разберешь... А называлось: мир как воля и представление; хорошее название, зазывное. Всегда ведь чего-нибудь в голове представляется...»* [10. С. 85].

Такие примеры, на наш взгляд, убедительно доказывают стремление автора показать читателю незрелость и неразвитость языкового сознания главного героя, что для внимательного читателя не останется незамеченным и обязательно натолкнет на некоторые размышления. Кроме того, интересен метакомпонент, представляющий собой толкование непонятого (с точки зрения персонажа!) слова. Обращает на себя внимание не только само толкование, но и написание толкуемого слова. Таким образом автор пытается дать скрытую характеристику языкового сознания персонажа.

Использование метатекста в художественном тексте часто становится стилистическим приемом и получает помимо содержательной также эстетическую нагрузку. Сама форма в этом случае имеет эстетическую, художественную ценность. Однако же форма в произведении не существует сама по себе, она является выразителем замысла конкретного человека, автора текста. Именно авторский замысел определяет такой, а не иной способ языкового оформления содержания. Заметим, что выбор словесной формы в произведении определяется, с одной сторо-

ны, содержательным фактором, особенностями материала, подлежащего воплощению в тексте, и, с другой стороны, фактором адресата, необходимостью обеспечить наилучшее взаимопонимание в диалоге «автор — читатель».

Метатекст в художественном тексте является показателем особого отношения писателя к языку. В художественном повествовании он может встречаться во всех видах речи: прямой, несобственно-прямой речи персонажей, авторской, косвенной. Причиной появления метасредств в художественном тексте может стать необходимость толкования нового слова (возможно не совсем понятного, окказионального), употребленного в тексте как в речи персонажа, так и в авторском повествовании. Такое толкование не просто проясняет смысл употребленного слова, но становится источником информации об авторе толкования. Кроме того, причиной появления метасредств может стать стремление автора продемонстрировать в скрытом, имплицитном виде свою характеристику персонажа (его языкового сознания, поведения, отношения к употребляемым языковым единицам и т.д.), например:

«От нечего делать мы изучали вывески и объявления. У эрудированной Алки вызвало недоумение название туристической фирмы («Кипарис» — Н.Л.). — Разве они не знают, что у древних греков кипарисовое дерево было символом смерти? — удивлялась она. — Как же можно зазывать народ в путешествие словами: «В добрый путь с «Кипарисом»!»? Не в добрый путь, а в последний!» [5. С. 103].

Таким образом, язык становится отражением говорящего: не только его действий, поступков, поведения и взаимодействия в социальном и межличностном пространстве, но и его внутренних — психологических, эмоциональных и ментальных — состояний.

Категория образа автора занимает особое место в художественном тексте, ей подчинено все повествование, каждое слово, каждая деталь. Строго говоря, каждое употребленное автором слово несет в себе отражение авторского замысла, авторской оценки. Наличие в художественном тексте метасредств делает авторскую позицию еще более четкой и наглядной.

Следовательно, слово в тексте не только имеет предметное значение, но и отражает авторское отношение к описываемому явлению, что, без сомнения, особо проявляется в метатексте, как в эксплицитном, так и в имплицитном. Конечно, эксплицитный метатекст наглядно отражает «двуголосие» художественного слова, демонстрируя диалогические отношения «адресант — адресат» и «адресант — слово». Подтверждение данной мысли находим у М.В. Ляпон: «В семантике «мета»-квалификатора могут отражаться следы внутреннего диалога с адресатом...» [7. С. 54]. Итак, метатекст способен отражать авторскую позицию, а именно его отношение к предмету разговора, а также к адресату, для которого и создается текст.

Итак, выделение метатекста в художественном тексте обязательно, во-первых, для более полного понимания смысла последнего, во-вторых, для адекватного восприятия авторских интенций. К метатексту необходимо отнести те языковые единицы, которые являются репрезентантами проявления отношения автора/персо-

нажа либо к своему/чужому речевому поведению, либо к номинации какого-то явления действительности (в нашем случае — художественной), либо к смыслу своего/чужого высказывания, то есть те, которые обозначают присутствие говорящего в тексте.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. — Изд. 4-е. — М.: Сов. Россия, 1972.
- [2] *Бокарева Ю.М.* Коммуникативно-синтаксические средства адресации в прозе Н.В. Гоголя и место в них метатекстовых элементов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 1999.
- [3] *Вежбицкая А.* Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. — М.: Прогресс, 1978.
- [4] *Винокур Т.Г.* Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. — М., 1980.
- [5] *Логунова Е.* Банда отпетых дизайнеров: Роман. — М.: Эксмо, 2007.
- [6] *Лукин В.А.* Художественный текст: Основа лингвистической теории и элементы анализа: Учебник. — М.: Ось-89, 1999.
- [7] *Ляпон М.В.* Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений. — М.: Наука, 1986.
- [8] *Степанов Г.В.* Несколько замечаний о специфике художественного текста // Лингвистика текста. Вып. 103. — М., 1976. — С. 144—150.
- [9] *Толстая Т.Н.* Кысь: Роман. — М.: Подкова, 2002.
- [10] *Толстая Т.Н.* Не кысь. — М.: ЭКСМО, 2004.
- [11] *Фатина Н.С.* Метатекстовое толкование слова как элемент структуры художественного текста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — СПб., 1998.

THE PROBLEM OF DETACHING METATEXT IN ARTISTIC TEXT

N.V. Lukina

Chair of modern Russian language

Astrakhan State University

Tatisheva str., 20a, Astrakhan, Russia, 414056

The article is devoted to one of the discussion problem of modern linguistic. This article dives basic for necessity of detaching metatext in artistic text and for its full analysis. Besides the aggregate of language units is outline in this article. This aggregate is representant of metatext in artistic text, the author cites bright examples of metameans.

Key words: the art text, the metatext, metameans, the commentator of the text, text categories.